Международная научная конференция «Полифония в культуре, тексте и языке»

И кипели страсти... Это выражение не будет преувеличенным описанием атмосферы тех дней, когда в Вильнюсском университете происходила организованная кафедрой русской филологии конференция «Полифония в культуре, тексте и языке» (17–19 октября 2002 г.). Это уже третья конференция в Вильнюсе, в названии которой фигурируют основные понятия из творческого наследия М. М. Бахтина. Первая – в 1995 г. – была немногочисленной по составу участников, но сами участники ощущали некое внутреннее родство, причащенность к идеям мыслителя, подарившего своему веку его ключевую метафору – метафору диалога. Такую атмосферу научного братства и равенства, игнорирующего академическую иерархию, труднее сохранить на больших конференциях – и все-таки, думается, это удалось. Октябрьская конференция 2002 года в Вильнюсе была достаточно многочисленной: в числе участников были заявлены гости из Чехии и Болгарии, России и Польши, Финляндии и Германии, Белоруссии и Латвии, Эстонии и, конечно, Литвы. И хотя приехали не все, но участие гостей из таких отдаленных мест, как Уфа и Владикавказ, (а для этих городов Вильнюс – труднодоступная точка) говорит и о научной самоотверженности участников, и о том, что Вильнюс становится научным центром, «слухом о котором полнится земля».

Отчет о работе конференции может быть представлен следующими протокольными данными: за три дня работы выступили 37 докладчиков, представлявших 8 стран и 13 городов (отмечу широту российской географии: Москва, Санкт-Петербург, Владимир, Уфа, Владикавказ). Основная работа конференции протекала в трех секциях: 1) «Текст как соединение голосов»; 2) «Формы многоголосия в культуре»; 3) «Языковая личность и картина мира». Секционная работа была обрамлена двумя пленарными заседаниями, в рамках которых выступило 8 докладчиков.

Очевидно, названия секций дают представление о широте затронутых проблем, заранее заданной широтой наследия Бахтина, в недрах которого черпают идеи представители различных ветвей гуманитарного знания. Столь широкое собрание причастных к «бахтинизму» (не знаю, можно ли прибегнуть к такому термину, но потребность ощущаю) в рамках одной конференции чревато опасностью непонимания друг друга: литературоведы в большей степени акцентируют внимание на интертекстуальных связях текстов, лингвисты стремятся представить заимствования и стилистически сниженные слова, размывающие литературный стиль, как голоса «других», философов в большей мере волнует метафора полифонии как метафора демократического общества, обеспечивающего звучание равноправных голосов.

В результате может возникнуть описанное Р. Музилем «расширение идей» без

их средоточия, перескакивание «с пятого на десятое, не знающее единства.

Думаю, что и вильнюсская конференция не обошлась без такого «расширения идей». Дискуссия, возникшая после доклада автора данного обзора «Дискурс надежды в русской культуре: этический плюрализм», по словам проф. И. Архипова, была вызвана во многом тем, что участники дискуссии «тянули одеяло на себя» в попытке примерить концептуальный анализ русского понятия *надежда* к литературоведческим, переводческим и чисто лингвистическим установкам. (Для информации: автор стремился показать, что в русской культуре существует особый дискурс *надежды*, позволяющий трактовать надежду как этическую категорию. В рамках этого дискурса сталкиваются голоса, приписывающие надежде разную этическую ценность: позитивную / негативную. В силу проведенного дискурсивного анализа можно говорить о своеобразной тетраде ценностей: *надежда (+) – пустая надежда (–) – отчаянье (–) – стоицизм (+).*)

Однако, несмотря на первоначальную долю непонимания между участниками конференции, в целом, на мой взгляд, можно говорить о том, что на вильнюсской конференции был сделан общий шаг в сторону уточнения ключевых понятий гуманитарной науки и решения ее актуальных проблем. Так, Александр Федута (Беларусь) предложил ряд признаков, позволяющих заключать о монологическом / полифоническом сознании автора на основе его отношений с читателем. Не в формальных приемах (обращениях, игре), а в том, что 1) *автор относится к читателю как к равному, не демонстрируя сознания своей этической и эстетической правоты*; 2) *равное отношение предполагается по отношению к носителям всех точек зрения, а не только к тем, кто согласен с автором*; 3) *автор отказывается от роли демиурга по отношению к созданному им миру и осуществляет свой выбор этической и эстетической истины одновременно с читателем,* заключается полифонизм авторского сознания. При этом, по мнению А. Федуты, ни полифонизм, ни монологизм не являются оценочными характеристиками авторского творчества. От души приветствуя попытку докладчика внести четкость в понятие полифонии (в противовес упрощенным ее характеристикам как простого многоголосия, кстати, встречавшимся на конференции), позволю себе выразить сожаление по поводу отсутствия указания на то, как эксплицируются названные черты полифонического сознания. Но если исследовательский прием определения полифонического сознания еще не отработан, то тип сознания «человека общественного» на основе данных признаков может быть установлен практически безошибочно, и думается, здесь полифонизм обладает явно позитивной ценностью в противовес сознанию монологическому.

Блестящее, на взгляд автора, представление полифонической поэмы осуществил финский ученый Хейно Ханнес, проанализировав «Про это» Вл. Маяковского как произведение с «полноценной полифонией» – смешением и звучанием равных голосов. Х. Ханнес указал формальные признаки соприсутствия голосов – наличие диалога и несобственно-прямой речи, метрическая индивидуализация чужих голосов – и вместе с тем отметил черты, соответствующие именно бахтинскому пониманию полифонизма: «незавершенность мыслительных и жизненных процессов, нерешимость проблем, касающихся человеческого существования и назначения поэта». Вообще отрадно, что инструментом анализа дискурса становятся способы передачи чужой речи, о которых В. В. Волошинов некогда сказал, что «это документ,

который, если уметь прочесть, говорит не о случайных, зыбких <...> процессах в душе воспринимающего, а об устойчивых социальных тенденциях активного восприятия чужой речи <...>»*. Думается, что исследование способов передачи чужой речи – возможная область соединения литературоведческих и лингвистических интересов, поскольку «смерть автора», провозглашенная в переживаемую нами эпоху, одним из проявлений имеет передачу авторской позиции персонажу, в силу чего пространства автора и персонажа, из которых звучит речь, становятся трудноразличимыми. Существование данной тенденции в публицистическом дискурсе подтвердила и Инга Милевич, латышский лингвист, занимающийся вопросами диалога и диалогизации в латышском публицистическом дискурсе. В целом же лингвисты, как уже было сказано, применяют пока идеи полифонизма языка прежде всего к анализу заимствованной лексики и размыванию границ между стилями языка. На последнем пленарном заседании, проходившем «за чаем» в неофициальной обстановке, напоминающей домашний семинар «единомышленников», бурную дискуссию вызвало выступление профессора И. Архипова «О словах «своих» и «чужих». Больной вопрос о соотношении «своего» и «чужого» в языке, о нашествии иноязычных слов, думается, находит разрешение в словах петербургского ученого: «Что тут можно сделать, если «чужие» слова подводят черту под прошлым и диктуют неизбежность нового обстояния дел в мире? Можно сражаться с ними в порядке борьбы за свои убеждения, но победить в этой борьбе нельзя». С этой мыслью, выраженной столь афористически, трудно не согласиться. Полемику вызвали отдельные замечания И. Архипова, и дискуссия поднялась до «вечных вопросов» гуманитаристики о проблеме значения и сознания, о правомерности самого термина «полифония» в применении к языку и культуре.

И кипели страсти. Даже, казалось бы, недискуссионный доклад Е. Протасовой (Хельсинки) «Построение идентичности в автобиографическом дискурсе русских Финляндии» вызвал массу вопросов и соображений по поводу затронутой проблемы. Собственно говоря, тема доклада не содержала лингвистической проблемы, но она отсылала к проблеме гуманитарной – в том главном смысле этого слова: связанной с человеком, с жизненно важными сюжетами его судьбы.

А когда наступило время подведения итогов, проф. З. А. Гурочкина (Санкт-Петербург) сказала следующее: «Мы увидели, что кафедра русской филологии Вильнюсского университета идет в авангарде мировой науки». Организаторы конференции понимают степень комплиментарности данного высказывания и тем не менее не могут скрыть своего удовлетворения такой оценкой их деятельности. Спасибо, профессор! Если же серьезно, то думается, что вильнюсская конференция способствовала тому, чтобы представители разных ветвей гуманитарной науки сделали шаг к овладению несколькими дисциплинарными языками (лингвистики, литературоведения, философии, психологии, социологии). Как известно, это одно из главных требований, предъявляемых современной наукой к современному специалисту.

Элеонора Лассан

---

*В. В. Волошинов, *Марксизм и философия языка*, М., 1995, 334.